

ШОУ-БИЗНЕС

Была бы фигура, лицо нарисуем

Моек. новости - 2000 - 19-25 дек. с. 18

Лариса Долина о современной эстраде

Недавние концерты Ларисы ДОЛИНОЙ в зале «Россия» подтвердили неувядающую популярность певицы, которая остается на эстрадном плаву уже 30 лет. Своими мыслями о современном российском шоу-бизнесе Лариса ДОЛИНА делится с корреспондентом «МН» Диной КИРНАРСКОЙ

— Рискну предположить, что в шоу-бизнесе удержаться труднее, чем во многих других артистических профессиях... Каждый артист ориентируется на кого-то: Алла Пугачева любит говорить про своих поклонниц из парикмахерских и прачечных, Наташу Королеву любят маленькие девочки, Ирина Аллегрова — роковая женщина... Кто ваши поклонники?

— Обычно певцы выбирают стиль, который им ближе всего, и работают в нем. У меня этих стилей так много, что я не могу себя причислить ни к одному. Пятнадцать лет я отдала джазу, на этой музыке воспитывалась, хорошо знаю, что такое импровизация, поэтому могу петь в разных стилях. В Москве и Петербурге с успехом прошел наш проект с Евгением Светлановым «Шлягеры уходящего века». На творческом вечере Юрия Башмета в «России» мы с ним исполнили композицию, которую он придумал на музыку «Лунной сонаты» Бетховена с песней «Yesterday». К «Сибирскому цирюльнику» Никиты Михалкова я записала саундтрек «Запретная любовь». Английский вариант песни прозвучал на закрытии Московского кинофестиваля.

На мои концерты приходит самая пестрая публика — и парикмахерши, и колхозницы, и интеллигенция, и научные работники, и дети. Мне кажется, что я пою музыку, которая соиздаст, что далеко не о всякой музыке можно сказать.

— Вы имеете в виду радикальные течения рок-музыки?

— В рок-музыке есть многое: традиционный рок-н-ролл, танцевальная зажигательная музыка — ее слушаешь и не можешь усидеть на месте. Есть рок мелодический, к которому относятся такие группы, как «Deer Purple» или же Джон Бон Джови. У них очень красивые мелодии, которые становятся шлягерами не только для подростков, но и для нормальной аудитории. А есть разрушительный тяжелый рок, «хэви метал». Панк-рок тоже разрушает: у Мэрилина Мэнсона, к примеру, настолько отрицательное обаяние, что на его концертах люди впадают в транс.

Или Майкл Джексон — я его обожаю, но что творится с публикой: девочки падают в обморок, их увозит «Скорая помощь»... Мне это странно, он ведь поет хорошие оригинальные песни, но почему-то на подсознательном уровне они действуют негативно. Были случаи, когда из-за Виктора Цоя девочки хотели свести счеты с жизнью, прыгали с балконов. Хотя сам певец наверняка не предполагал, что его песни могут так подействовать на публику...

Человеку нужно, чтобы рядом было что-то хорошее. Сейчас так непросто жить, мы не знаем, что будет завтра, можно себе представить, что творится в душах людей... По-моему, музыка не должна подливать масла в огонь.

— Если вам близки классические воззрения на искусство, которое очищает и возвышает, почему вы ушли из джаза: ведь он, по негласному ре-

тингу, интереснее поп-музыки?

— Джаз стал невостребованным, на него перестали ходить. Большая часть музыкантов разъехалась. Нынешнее поколение больше интересуется «ширпотребом», популярными становятся, можно сказать, люди из подворотни. А я не гонюсь за модой. Например, мне предлагали сделать танцевальные ремиксы моих песен. Зачем? Я не считаю, что под мою музыку нужно танцевать. Ее нужно слушать в концертном зале.

— Может быть, в засилье музыкального ширпотреба виновата не очень цивилизованная организация нашего шоу-бизнеса?

— Я бы сказала, что у нас и шоу-бизнеса как такового нет. Вроде бы люди пытаются работать по западным меркам, но они не знают, что музыкальный продюсер должен не только организовать концерты и продать альбомы, но и придумать всю творческую концепцию: какую музыку петь артисту, как двигаться, как при этом выглядеть. По телевизору каждый день мы видим новые группы, какие-то хиточки-однодневки. Тот, кто называет себя музыкальным продюсером, берет группу или исполнителя, раскручивает, продает несколько альбомов, снимает дивиденды, потом дает пинка этому исполнителю и принимается за другого, с которым происходит то же самое.

К сожалению, у нас сейчас могут петь все — официантки, топ-модели. Пение уже не считается искусством: главное — как ты выглядишь. Как говорят французы: была бы фигура, лицо нарисуем. А на талант вообще махнули рукой. На Западе все иначе. Допустим, Бритни Спирс немножко хуже, чем Кристина Агилера, Марайя Кэрей чуть лучше той же Кристины Агилеры, а Уитни Хьюстон вообще стала звездой, и что из этого? Они все прекрасно поют, все талантливы и очень профессиональны. У нас не поет практически никто.

— Почему же наша публика все это принимает — ходит на концерты, покупает диски, кушает и похваливает?

— А потому, что им все это навязывают. Если двадцать пять раз подряд будет звучать одна и та же песня, она уже в голове застрянет. Это как дятел по дереву стучит... Если нашу публику кормить таким ширпотребом, куда она будет расти? Только вниз.

— Как же сделать наш шоу-бизнес относительно цивилизованным?

— Нужно, чтобы все, кто собирается заниматься музыкальным продюсированием, учились этому. Они должны знать, где находятся талантливые люди, и вытаскивать на сцену именно их.

— Как в старой передаче «Алло, мы ищем таланты»... Вы знаете, где их найти?

— Я знаю, что их надо искать. Но нашим продюсерам легче просто взять кого попало. Бывает и такое, что приплясывает перед камерой один, а поет другой. Того, кто поет, никто никогда не увидит.

— И чье же имя стоит на афише?

— Человеку, который спел песню, выплачиваются сумасшедшие гонорары, чтобы он молчал, а имя получает тот, кто снимался. На Западе тоже есть подобные фокусы, но там, в отличие от нас, они очень редки.

— А как быть, если нужно петь концерт?

— Под фонограмму, у нас же практически все так поют. Живой концерт работать, это ой как тяжело, особенно если человек голосом, по сути, не владеет. Выходи, рот открывай, выучи, где надо дышать, а публика все это проглотит. И гонорар соответствующий заплатят.

Западные исполнители частенько поют у нас под фонограмму, полагая, что русскую публику можно обмануть. Дома они себе такого не разрешают, потому что тамошняя публика считается более образованной. Меня это оскорбляет, мне обидно за наших зрителей, которые позволяют так над собой издеваться.

— Часто приходится слышать, что не продюсеры, а сами артисты вкладывают деньги в собственную рекламу?

— Нет, молодые не платят. У молодого человека, который только-только появился на эстраде, и денег нет, чтобы платить. Поэтому платит продюсер. А потом, когда начинаются концерты, альбомы, тогда уж продюсер с него стружку и снимает... Процентом девяносто пять берет себе, пять — ему.

— Но вы, наверное, помните времена, когда произвол власти был хуже, чем наглых продюсеров?

— Конечно, в советские времена меня резали везде и всюду, и если я записывала песню на радио и делала к ней какую-нибудь импровизацию, то песню размагничивали, потому что джаз строителям коммунизма был ни к чему. Ставки тогда были: четыре рубля за концерт, потом пять, потом семь. Потом уже перемахнули за десять рублей: одиннадцать, тринадцать, самая высокая ставка у меня была девятнадцать рублей, когда я получила звание заслуженной артистки России.

— В реальности, вероятно, были все-таки не девятнадцать рублей? В конверте, наверное, что-то еще доплачивали?

— Нет, девятнадцать рублей и все, пока к власти не пришел Горбачев. Тогда разрешили кооперативы, и я по-настоящему первый кооперативный концерт,

я за него получила пятьсот рублей. Это было невероятно много по тем временам. Мы отработали шесть концертов и получили три тысячи рублей. Подумать только! Целое состояние. Правда, не мне одной, а всем музыкантам. Но все равно мы были очень счастливы. А до этого, если бы не поддержка родителей, я бы просто не смогла заниматься своей профессией — выжить было невозможно. В этом смысле, конечно, то, что было, и то, что есть, — это все-таки небо и земля.

Лариса Долина